УДК:8:809.43:801.24(043.3)

М.А. Атакулова, Л.М. Кемельдинова
К.ф.н., доцент ОшТУ, к.ф.н., доцент ОшТУ
M.A. Atakulova, LM Kemeldinova
c.ph.s, docent OshTU, c.ph.s, docent OshTU

О ГЕНЕЗИСЕ АФФИКСОВ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Настоящая статья посвящена происхождению тюркских лично-притяжательных аффиксов. В ней кратко излагаются основные положения теории происхождения аффиксов принадлежности с позиции категории личности-безличности в языке.

Ключевые слова: аффикс, лично-притяжательные аффиксы, категория личности, тюркологи-учены.

ON THE GENESIS OF AFFIX AFFILIATION

This article is devoted to the origin of the Turkic personal-possessive affixes. It summarizes the main provisions of the theory of the origin of the affixes of belonging from the position of the category of personality-impersonality in the language.

Key words: affix, personal-possessive affixes, personality category, turkologist-scientist.

Тюркологи единогласны во мнении, что лично-притяжательные аффиксы имеют местоименное происхождение.

Лично-притяжательное склонение свойственно не только тюркским, но и монгольским, тунгусо-маньчжурским, угрофинским и другим семьям алтайского сообщества языков, чукотско-камчатским, эскимосо-алеутским, семито-хамитским и другим языкам.

Приведем отдельные примеры:

В бурятском языке:

1л.ед. *-м, -мни, -ни←миний*«мой» (род.п. лич.м. *би«я»),*

2л.ед. *—ш, -шна←шиний* «твой» (род.п. личн.м. *ши* «ты»),

1л.мн. *-мнай, -най ←манай* «наш» (род.п. лич.м. *бидэ* «мы»),

2л.мн. *—тнай ←танай* «ваш» (род.п. лич.м. *та* «вы»),

3л.ед. и мн. *-нь, -гынь, -шинь, -ынь, -инь* < *ину* «его, их»(др. -монг.).

В орокском языке:

1л.ед. *-би, -ви*← мест, *би, бии* «я»

2л.ед. *-си, -ти, -чи*← мест, *си, сии* «ты»

3л.ед. *-ни* ← мест, *нони* «он, она, оно»

1л.мн. *—пу* ← мест, *бу* «мы»

2л.мн. *—су, -тчу, -чу* ← мест, *су* <вы»

3л.мн. *—тчи, -чи* ← *ночи* «они»

Перед нами два пути образования лично-притяжательных аффиксов. В бурятском языке лично-посессивные аффиксы произошли из форм родительного падежа, в орокском - из номинативных форм личных местоимений.

К.Е.Майтинская отмечает: «Присоединяясь к именам существительным, личные местоимения переходят в лично—притяжательные форманты. Непосредственно личные местоимения в указанные форманты превращаются в языках, в которых в функции притяжательных местоимений используются личные. В языках же, в которых притяжательные местоимения образовались раньше, чем притяжательное склонение, в лично-притяжательные форманты могли переходить уже имеющиеся притяжательные

местоимения. Но поскольку последние сами, как правило, происходят от личных местоимений, в конечном счете, можно считать, что лично-притяжательные аффиксы, в общем, образуются от личных местоимений».

Относительно происхождения лично-притяжательных формантов в тюркских языках существует две гипотезы:

1. Аффиксы принадлежности восходят к предикативным показателям лица, а предикативные показатели - к личным и лично-указательным местоимениям (Н.К.Дмитриев, Э.В.Севортян, К.Назаров, А.М.Щербак и др.).

2. Аффиксы принадлежности и предикативности параллельно восходят к личным и лично-указательным местоимениям (Б.А.Серебренников, Н.З.Гаджиева), при этом лично-предикативная парадигма глагольных форм условного наклонения и прошедшего времени на *-ды...* и лично-притяжательная парадигма представляют одну линию, а другие предикативные аффиксы — другую линию образования.

Происхождение лично-притяжательных аффиксов было предметом изучения целого ряда исследователей тюркских языков (О.Бетлингк, Н.К. Дмитриев, Б.А.Серебренников, Н.З.Гаджиева, В.М.Насилов, А.Н.Кононов, Э.Р.Тенишев, Э.В.Севортян, С.Кудайбергенов, К.Назаров, И.Суяров, А.М.Щербак и др.).

Обстоятельно данный вопрос исследуется в трудах А.М.Щербака. Кратко изложим основные положения теории происхождения лично-посессивных аффиксов, принадлежащей этому тюркологу, с позиции категории личности-безличности в языке, высказывая свои соображения по каждому выводу ученого.

1л.ед. - *м<*мен.* Такая реконструкция обосновывается наличием полного и стяженного вариантов аффикса в предикативном спряжении татарского, башкирского, киргизского, хакасского и других языков. Ср.: *бара-м — бара-мын* «пойду, хожу».

В качестве притяжательного аффикса используется компрессионная форма без *-ен.* По-видимому, *-м* восходит к лично-местоименному энклитику **ми,* давшему начало и личным местоимениям, и личным окончаниям.

2л.ед. *—н <*сең.* В составе глагольных словоформ: 1)алт. *берер-иң* «ты даешь», башк.(диал.) *бара-ң* «ты идешь» и т.д.; 2) кирг. *бара-сың* «ты пойдешь», *келе-сиң* « ты придешь» и т.д. А.М.Щербак предполагает усечение начального *с* в лично-предикативных формах (1) и в лично-посессивном аффиксе 2л.ед.

Личные местоимения 2л.ед. в виде *саң* «ты» встречаются в говорах узбекского языка.

Мы считаем, что *-сың...* и *саң* возводятся к *-сын...* и *сен* «ты» и вторичны по отношению к ним. Имеется аналогия: аффикс исх.п. *-даң, -дең, -таң, -тең, -наң, -нең* в хакасском языке легко возвести к общетюркскому аффиксу, реализуемому в алломорфах *-дан, -ден, -дон, -дөн, -тан, -тен, -тон, -төн, -нан, -нен, -нон, -нөн* в алт. и кирг.языках, *-дан* в узб. языке, *-дин, -тин* в уйгур, языке и т.д. Здесь наше мнение расходится с точкой зрения Щербака.

3л.ед. — *ы (н), -и(н)<*ын/ин.* В современных тюркских языках подобные местоимения 3 л.ед. в номинативе не встречаются. А.М.Щербак усматривает древнее местоимение в составе наречий типа *ыңды* «та, другая сторона», *ынаар* «туда», *ында* «там» в тувинском языке, *нар/нары* «туда, по ту сторону», *анда* «тогда» в киргизском языке и т.д. В то же время узбекское *у* «он, она, оно» вполне могло быть прототипом показателя 3 л.ед. *—и* в узбекском языке, *-ы, -и, -у, -ү* в киргизском языке после основы на согласный.

Что касается алломорфа аффикса *-си...,* присоединяемого к основе на гласный, то на этот счет существует одно достаточно убедительное предположение. Предполагается, что в древнем языке могло существовать местоименно-энклитическое слово **си,* которое, вероятно, указывало на лицо или предмет, находящиеся в непосредственной близости к говорящему. Из него возникли местоименные корни и аффиксы со значением 2л.ед., 3 л.ед. и указательные местоимения:

сы+н-2л.ед.: *баласың* (еще) ребенок»

**си*< 3л.ед.: *барсын* «пусть пойдет»

сы—> 3л.ед.: *баласы* «его, ее, их ребенок».

Ср.: шорск. *алсын* «пусть берет», *персин* «пусть дает», *алсынар* «они берут», *персиннер* « пусть дают».

По поводу *с* в звукомплексе алломорфов аффикса принадлежности 3л.ед., присоединяющихся к основам на гласный, существует и другая точка зрения. По мнению В.А.Богородицкого, это вставочное <*с*> находится в «родстве с элементом *с,* встречающимся в глагольных аффиксах будущего времени с отрицанием...», а также *с* в причастии будущего времени на -*сы,* типа татарского *барасы*. Эта идея поддерживается Б.А.Серебренниковым, который дал объяснение появлению *с* в составе аффикса принадлежности. Он считает, что употребление типа *барасы* наряду с формами 1-го и 2-го лица типа *барасым, барасың* создавало впечатление, будто она содержит особый аффикс принадлежности — *сы.* Иначе говоря, здесь произошло переразложение: элемент с, показатель будущего времени, был отнесен к аффиксу принадлежности —*ы* и затем стал регулярно присоединяться к основам на гласный.

В порядке возражения Богородицкому и Серебренникову А.М.Щербак замечает: «Существование в тюркских языках формы будущего времени на -с никем не доказано. Что же касается будущего типа *барасы,* то оно является формой принадлежности 3-го лица, образованной от имени действия на -*а*.

На этот счет существует еще одно соображение. Оно высказывалось немецким ученым В.Бангом. По его мнению, лично-притяжательный аффикс 3-го лица -*ы* образовался из -*сы* в результате ассимиляции звука с конечным согласным основы. Например, из **каған сы*>происходит *каганы.* Аффикс -*сы* при этом сопоставляется с аффиксом прилагательных -*сыг/ -сиг,* восходящим к самостоятельному слову **асыг-,* которое образовано от глагола *ас* «вешать».

В данном случае происхождение аффикса объясняется многоступенчато и очень сложно. Наиболее простое объяснение находим у других тюркологов. В компаративистике существует мнение, согласно которому в праязыке могла иметь место дейктическая единица **si/se,* указывающая на ближайшие к говорящему предметы и лица. Из нее были образованы личное местоимение *sin\sen\sen* «ты», лично-предикативный императивный аффикс 3л.ед. -*син/-сын/-сун/-сүн...* «он, она, оно» *(<*si/se+n)* и лично-посессивный аффикс 3 л.ед. и мн.ч. -*сы/-си/-су/-сү...* (без конечного -*н).* Такое понимание происхождения личных аффиксов согласуется с теорией локации, возводящей генезис и развитие лично-прономинальных лексем и аффиксов к простейшему противопоставлению «Я - не-я».

Мы согласны с мнением о формально-семантическом изоморфизме лично-посессивного аффикса 1л.мн. и личного местоимения 1л.мн. и производности аффикса относительно лично-местоименной корневой морфемы. Однако признание первичности начального глухого согласного в реконструируемом архетипе вызывает возражение: *биз..., - миз... из*пис*. Начальный глухой согласный имеет место, кажется, только в хакасском местоимении: *пис* «мы», в местоимении других языков не встречается.

С другой стороны, такое представление возникновения лично-посессивного форманта и личного местоимения 1 л.мн. вступает в противоречие с фактами якутского языка. Как известно, в этом языке 1 л.мн. представлено местоимением *биһиги* «мы» (*эһиги* «вы»), лично-посессивным и лично-предикативным аффиксами -*быт, -бит..., -пыт, -пит...* и т.д., которые трудно подогнать к предложенной схеме и невозможно объяснить в пределах этой гипотезы.

Более простое объяснение мы находим в рамках ностратической теории, постулирующей генетическое родство алтайских, уральских, индоевропейских, семитохамитских, дравидийских, эскимосо-алеутских, чукотско-камчатских и других языковых семей.

В свете ностратики в праязыке Северной Евразии существовало местоимение *mi со значением «я», местоимения на *t-, *s-, *l-, *k- со значениями «ты», «он, она», «тот, та» и др.

Личное местоимение 1л.мн., вероятно, образовалось из сочетания *mi с корневыми морфемами, указывающими как на второго участника речевого акта, так и на лиц, не принимающих участие в акте речи или находящихся в отдаленном расстоянии от говорящего и собеседника. В результате возникают местоименные корни 1л.мн.: *mis-, mit-* и т.д., которые так или иначе представлены почти во всех языковых семьях. Из них и образованы лично-местоименные форманты. Для иллюстрации приведем отдельные примеры:

1) алеут, *ада-н* «мой отец» узб. *ата-м* «мой отец»
ада-мас «наш отец» *ата-миз* «наш отец»

2) удм. *ас-им* «я сам» узб. *уз-им* «я сам»
ас-меос «мы сами» *уз-имиз* «мы сами»

3) эск. *пана-н* «твое копье» якут. *ага-ҥ* «твой отец»
пана-вут «наше копье» *ага-быт* «наш отец»

Здесь допускается чередование *м/н, м/б, м/б/в, с/з, т/д* и др.

Следовательно, мы склоняемся к выводу о том, что в тюркских языках генетическое тождество личных местоимений и посессивных форм проявляется неодинаково. В языках, где лично-притяжательная форма 1л.мн. представлена звуком <*м*>, они могли произойти параллельно:

-mis, -miz... «наш, наша, наше, наши»
**mis<*
бис, биз «мы»

В языках же, где и личное местоимение, и посессивный аффикс имеют начальный звук <*б*>, путь образования лично-посессивных форм мог быть несколько иным:

**mis →бис/биз/пис...* «мы» →*бис/биз...* «наш, наша...»

Лично-посессивный аффикс 2 л.мн. имеет местоименное происхождение, что изображается А.М.Щербаком следующим образом:

**сис> *сиз> - ҥиз/ҥыз...*

Более простым является объяснение: к форманту 2 л.ед. *-ҥ* присоединяются форманты *с-* и *р-* со значениями «ты», «он, она, оно», «тот, та, то». Звук <с> регулярно чередуется с <з>. В результате мы имеем: 1) *-ҥар, -ҥер, -ыҥар, -иҥер* в хакасском и тувинском языках *(хак.ырыҥар* «ваша песня», *тураҥар* «ваш дом» и т.д.; тув. *чуртум* «моя страна», *чуртуҥар* «ваша страна» и т.д.); 2) *-нгиз, -ингиз* в узбекском языке *(уканг*«твой братишка», *укангиз* «ваш братишка»), *-ҥыз, -ҥиз, -ыҥыз, -иҥиз* в каракалпакском языке *(тамыҥ* «твой дом», *тамыҥыз* «ваш дом», *ийтиҥ* «твоя собака», *ийтиҥиз* «ваша собака»). Последнее в киргизском и казахском языке выражает вежливую форму 2 л.ед.

Наряду с данными существует аффикс, происхождение которого не может быть интерпретировано на основе известных теорий. Это факты целого ряда тюркских языков. Применительно к их материалу можно предположить о наличии еще одной линии образования лично-посессивного аффикса 2л.мн.: **ки «ты»* +*с-* «ты», «он, она, оно», «тот, та, то»>**кис/киз→-гиз, -гыз...*

В результате мы имеем производные личные формы 2л.мн., образованные параллельно выше отмеченным:

в кумыкском языке: *атыҥ* «твоя лошадь» - *атыгыз* «твоя лошадь», *итим* «моя собака» - *итигиз «*ваша собака»;

в карачаево-балкарском: *устазыҥ* «твой учитель» - *устазыгыз* «ваш учитель», *таш үйүҥ* «твой каменный дом» - *таш үйүгүз* «ваш каменный дом» (мы использовали букву *у* вместо *ю,* г вместо *гъ);*

3) в башкирском: *балаҥ* «ваш ребенок» - *балагыз* «ваш ребенок», *өйөҥ* «твой дом» - *өйөгөз* «ваш дом»;

4) в татарском: *улың* «твой сын» - *улыгыз* «твой сын»; *апаң* «твоя сестра» - *апагыз* «ваша сестра» и т.д.

Что касается предполагаемого местоимения **ки,* имевшего в общетюркском значение «ты», «он, она, оно», то в современных языках есть отдельные факты, подтверждающие его наличие в древнем языке. Ср., например:

1) аффикс повелительного наклонения 2 л.ед. *-гын, -гин, -гун, -гүн, -кын, -кин, -кун, -күн* в киргизском языке: *кет-кин* «уйди, уходи», *баргын* «иди, сходи»; те же в караимском языке: *айткын* «скажи», *баргын* «иди, сходи» и т.д.;

2) аффикс 2л.ед. изъявительного и повелительного наклонений якутского глагола — *гын, -гин, -гун, -гүн, -кын, -кин, -кун, -күн, -хын, -хин* и т.д.; *барагын* «иди», *барбаккын* «не ходи», *бардаргын* «если бы ты пошел», *барардаахкын* «должен ты идти», *бар иликкин* «ещё не ушёл ты» и др., но ср.: *мин биллим* «я узнал», *эн биллин* «ты узнал» в прош.вр.;

3) личное местоимение 3л. в якутском языке *кини* «он, она, оно» и *кинилэр* «они».

Звуковое соответствие и семантическая близость показателей 2-го и 3-го л. позволяют говорить об их происхождении из одного источника.

Таким источником могла быть местоименная основа на *к-,* имевшая, вероятно, значение указания на ближайших лиц и на известные, упомянутые или недалеко находящиеся предметы.

Во всех случаях звук *<н>,* конечный в аффиксах и интерпозитивный в основе якутского личного местоимения, является формантом вторичного образования, функционально и материально напоминает *<н>* в составе личных местоимений 1 и 2 л.ед.

Аффикс 2л.ед. *-сиз...* происходит из **сис.* Считаем, что **сис* состоит из удвоенных местоименных показателей: **si* + **si*, имевших значения «ты», «этот, тот, та», «тот, та, то», «он, она, оно».

Древнейший фонетический облик предполагаемого местоимения сохранен в бараба_ : *сис* «вы», но татар, *сез* «вы», узб. *сиз* «вы», что сравнивается с восточно-ительменским *сузе* «вы» и местоимениями 3 л.мн. уральских языков: удмурт, *соос, -сеос* «они», эрзян. *-суз* «они», мокшан. *-саз* «они».

Местоимения *силер* «вы» в тофаларском, тувинском, шорском и других языках, *улар, олар, алар* и др. «они» в различных языках имеют прозрачную структуру. Здесь в качестве признака 2 л. выступает *си-* (-»с-), 3 л. - *у-, о-, а-.* К ним присоединяется аффикс мн.ч., в результате чего возникают местоимения 2 и 3 л.мн.ч.

Эти местоимения послужили базой для лично-посессивных форм 2 и 3 л.мн.ч.

Признак 3 л.мн. числа лично-притяжательного спряжения идентичен форме ед.ч., т.е. формы обоих чисел 3 л. материально не дифференцируются и внешне тождественны почти во всех языках. Например, в тофаларском языке:

ата-м «мой отец» *ата-быс* «наш отец»

ата-ң «твой отец» *ата-ңар* «ваш отец»

ата-сы «его|ее|их отец».

Так же в тувинском языке: *чурт-у* «его|ее, их страна». Ср. каракалпакские *ат-ы* «его/ее/их лошадь», *бала-сы* «его|ее|их ребенок» и т.д.

В некоторых языках мы обнаруживаем дифференцированное выражение форм числа. Например:

1) в крымчакском языке:

-ы, -сы (ед.) и *-лары, -лери* (мн.);

атасы «его, ее отец», *аталары* «их отец, их отцы».

2) в ногайском языке:

-ы, -и, -сы, -си (ед.) и *-лары, -лери* (мн.)

атасы «его, ее отец», *аталары* «его, ее, их отцы»,

баласы «его, ее ребенок», *балалары* «его, ее, их дети» и т.д.

Показатель мн.ч. имеет прозрачную структуру и состоит из аффикса мн.ч. в интерпозиции *-лар-...* и постфикса лица *-ы, -и.*

Происхождение аффикса 3 л.ед. допускает двоякое предположение. Одно из таких предположений высказывается А.М.Щербаком, предлагавшим схему: *-ы(н), -и(н) <*ын,\-*ин* (см. выше). Однако логика лингвистического материала допускает еще одно мнение на этот счет. Алломорфы *-сы, -си, -су, -сұ,* с одной стороны, и *-ы, -и, -у, -ұ,* с другой, вероятно, восходят к разным местоименным формантам. Первые имеют архетип **си* «ты», «этот, эта, это», «он, она, оно», а вторые - архетип **у* «этот, эта, это», «он, она, оно». До определенного времени и в определенных случаях они могли выступать как семантически тождественные единицы. Из первого архетипа могли образоваться личное местоимение 2 л.ед. *(син, сен, сән...)* и лично-предикативный аффикс 3 л.ед. в составе глагола *(-сын, - син...).* Из второго архетипа произошло лично-указательное местоимение 3л.ед., сохранившееся в целом ряде языков. Ср., например, узб., уйгур, *у* «он, она, оно». Примечательно, что в узбекском языке местоимение *у* употребляется как в функции личного местоимения 3-го лица, так и указательного местоимения.

По-видимому, позиционная специализация некогда синонимичных формантов **у* и **си* представляет собой явление более позднего времени, когда алломорфы форманта **у* закрепились за основами на согласный (во избежание накладки и удлинения гласных на исходе словоформы), алломорфы форманта **си* - за основами на гласный.

Таким образом, лично-посессивные аффиксы, как по семантике, так и материально связаны с личными и лично-указательными местоимениями. Отдельные отклонения от общих правил тоже имеют свое объяснение.

Литература

1. Майтинская К.Е. Местоимения в языках разных систем. - М: Наука, 1969.-308 с.
2. Исхаков Ф.Г. Имя существительное. // Иссле-дования по сравнительной грамматике тюркских языков. — М., 1956. — Ч.2. Морфология. — С. 78-142.
3. Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: (Имя). - Л.: Наука, 1977. - 191 с.
4. Зулпукаров К.З., Зулпукарова А.К. О происхож-дении и развитии личных местоимений в ностратических языках // Сб. науч. тр. / Узген. ин-т технологии и образо-вания Ош. технол . ун-та.. — Ош; Узген, 2002. — Вып. 6. —С. 33-39.
5. Серебренников Б.А. Тюркологические этюды. II. К проблеме происхождения s в варианте притяжательного аффикса 3-го лица ед. числа –sy (-si)//Вопросы тюркологии. - Баку, 1971. - С. 108 - 115.